

ПОВЕСТЬ Л. БОРОДИНА «ЦАРИЦА СМУТЫ» В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ О НОВОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

В. И. Дружинина

*Белгородский государственный национальный исследовательский
университет Старооскольский филиал*

Поступила в редакцию 3 сентября 2019 г.

Аннотация: в статье анализируются условия возникновения интереса к историческому повествованию в начале XXI века. Автором рассматривается повесть Л. Бородин «Царица смуты» как произведение, предвосхитившее тенденции развития исторического повествования настоящего времени. Исследуются общие проблемы, характерные для исторического романа и романа, основанного на историческом материале.

Ключевые слова: Л. Бородин, национальный характер, смутное время, историческая проза, роман об историческом прошлом

Abstract: the article analyzes the conditions of interest in the historical narrative at the beginning of the XXI century. The author considers the story of L. Borodin "The Queen of Troubles" as a work that anticipated the trends in the development of the historical narrative of the present time. The general problems characteristic of the historical novel and the novel based on historical material are investigated.

Keywords: national character, time of troubles, historical prose, a novel about the historical past

Конец XX века был ознаменован грандиозными политическими и социальными переменами, которые отразились на развитии литературного процесса. Падение советского государства и изменение идеологического вектора сделало возможным одновременное знакомство с таким колоссальным количеством литературных произведений, что это породило некий информационный коллапс. В рамках идеологического плюрализма конца XX века происходило одновременное развитие реализма, модернизма и постмодернизма. Но на рубеже веков стало заметным творчество писателей, целью которых являлось осмысление в рамках национальной традиции исторических коллизий, ставших стойкой приметой российской действительности: В. Личутина, Б. Евсеева, Е. Водолазкина, В. Галактионовой, З. Прилепина.

Глобальность происходивших событий по меркам истории тяготела к отображению в жанре романа. Жанр романа был выбран как текст, позволяющий вследствие своего объема, многочисленности персонажей, нескольких сюжетных линий наиболее полно отразить сложную реальность, в которой пребывает человек современности.

В 2014 году в «Литературной газете» была опубликована статья Р. Сенчина «Новые реалисты уходят в историю», в которой он делает вывод о смене литературного интереса у ряда писателей молодого поколения: Д. Гуцко («Бета-самец»), С. Шаргунов («1993») и З. Прилепин («Обитель»). Автор статьи

в своем анализе утверждает, что писатели, «исчерпав запас своей жизни», стали писать о других людях и временах [1].

Д. Драгунский в развернувшейся дискуссии по поводу современного романа (2015 г.) отметил эту особенность и подчеркнул интерес к историческому повествованию: «Среди шести романов, вошедших в шорт-лист премии «Русского Букера», только один посвящен современности. Остальные — про прошлое. Это не случайно. Настоящий хорошо сделанный роман — вещь фабульная, в нем что-то должно происходить. А когда в жизни ничего в фабульном смысле не происходит, роман превращается либо в love-story, либо в детектив» [2, с. 119].

Современные авторы тяготеют к произведениям, наделенным отдельными признаками романа (прежде всего, объем произведения, продолжительность времени происходящих событий), но включающим на самом деле любой формат повествования: дневники, мемуары, житие, хроники, биографии, тексты из социальных сетей. Разговор писателя с читателем в наше время происходит довольно часто в виртуальном мире интернета, где образовалось поле притяжения-отторжения многих концепций, идей, мнений. Действительно, во многом общественная мысль рождается в публицистике. Показательно, что она переместилась с бумажных полей журналов и газет в удобное поле интернета и стала общедоступной для чтения и обсуждения. Но о своем писательском кредо принято теперь писать в колонках, блогах, интервью. В то время как для серьезного продви-

жения своих идей писатели выбирают сложный для создания, но интересный для чтения жанр исторического романа.

Глобальные перемены российской истории всегда побуждали писателей к осмыслению исторического прошлого страны и поискам выхода, что сопровождалось размышлениями о национальном русском характере. В русле этого можно рассматривать творчество известного прозаика Л. Бородина («Третья правда», «Трики, или Хроника злобы дней», «Повесть странного времени», «Ловушка для Адама», «Божеполье», «Бесиво» и др.).

Одним из знаковых произведений автора следует назвать историческую повесть «Царица смуты» (1996). Ощущение времени, предвидение судьбоносных событий характерно для больших писателей. Л. Бородин — сторонник просвещенного консерватизма, государственник, предвосхитил своим произведением тему нового смутного времени и человека в нем и тем самым создал прецедент в новейшей истории, заключающийся в осмыслении действительности через призму прошлого.

Факт перемещения своего писательского интереса в иное историческое время подтвердил в своих интервью прозаик молодого поколения З. Прилепин: «... после таких разнородных текстов, как «Санька» и «Черная обезьяна», я внутренне для себя решил, что то, что я хотел сказать о современности, я уже сказал. И есть какие-то вещи, которые нужно искать на другой глубине — для понимания того, что сегодня с нами происходит» [3].

Повесть «Царица смуты» Л. Бородина основана на историческом материале, в основе сюжета — «смутное время» начала XVII века, окончание истории, связанной с Мариной Мнишек — женой Лжедмитрия I, венчанной на царство московской царицей.

В повести автор не отошел от канонического представления смуты, но наряду с историческими личностями — Скопин, Заруцкий, Лжедмитрий I и Лжедмитрий II — вводит и вымышленные персонажи — боярин Олуфьев и др. Л. Бородин делает главной героиней Марину, человека западного мышления, и ее глазами смотрит на московское государство и русского человека. Превалирование закона, игнорирование морали, рациональность — качества, которые характерны для Мнишек в повести Л. Бородина. На страницах исторического повествования живописуется непонимание и упрямство человека иной культуры в отстаивании своего мнения, основанного на ложных посылах. Эта повесть автором заявлена как историческая, но по охвату проблем, сюжетных линий она тяготеет больше к роману.

Обращение к прошлому, как оказалось, общемировая тенденция. В одной из рецензий к роману Е. Водолазкина «Лавр» отмечается: «... в «Лавре» жизнь еще удачно притворяется историческим романом — а это вообще любимый жанр большой прозы

последнего десятилетия, и не только в России» [4].

Таким образом, увлечением жанром романа и стремление заглянуть в историческое прошлое оказалось знаковым литературным явлением конца XX и начала XXI века.

В ряде случаев авторы не акцентировали внимание на том, что перед читателем исторический роман (Е. Водолазкин «Лавр»). П. Басинский иронично раскрывает эту неисторичность в своей рецензии в «Российской газете»: «Но «Лавр» — проза несомненно филологическая, и написать ее мог только специалист по средневековой Руси. При этом, сам же определяя жанр своей книги как «неисторический роман», автор подчеркивает, что это и не историческая проза, что герои его вымышленные, хотя, возможно, и восходящие к каким-то прототипам. При этом язык романа нередко ошеломляет. Водолазкин свободно переходит от средневековой речи к современной, и часто это происходит в пределах одного абзаца... Евгений Водолазкин написал глубоко русский роман, как бы пафосно это ни звучало. В нем есть тьма и свет, смрад, но и духовная сила. Одного в нем нет. В этом романе вовсе нет фальши» [5].

В подзаголовке намеренно указано, что это «неисторический роман», только затем, чтобы — по словам автора, «... читатели не искали того, чего там нет. Потому что это роман не об истории и не о XV веке. Он о нынешнем времени. И во всех романах, где доминирует исторический материал, рассказ идет не о былом, а о нас. Прошлые времена используются лишь как зеркало, в которое мы, нынешние, смотримся и видим в нем наши особенности» [6].

С течением времени среди исследователей открылась дискуссия о понятиях «исторический роман» и «роман на исторический сюжет (роман об историческом прошлом)», но терминологически эти явления не закреплены.

Работы Б. М. Жачемуковой и Ф. Б. Бешуковой «Художенственная специфика жанра исторического романа» и А. Сегеня «Исторический роман или роман на исторический сюжет?» предлагают наиболее полное представление по этой теме.

А. Сегень считает, что в историческом романе должно быть подробное и достоверное освещение переломных исторических событий: ««Емельян Пугачев» Шишкова, и «Петр Первый» Алексея Толстого, и эпопея «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского и многие другие» [7].

Достоверность изображения исторических событий не является приоритетом в романах об историческом прошлом (романах на исторический сюжет), о чем пишут Б. М. Жачемукова и Ф. Б. Бешукова: «Роман об историческом прошлом также обращен в историю, но, в отличие от исторического романа, в нем в качестве главных персонажей не фигурируют исторические личности, не затрагиваются широкие исторические события, хотя сюжет романа

зачастую построен на проблеме судьбы отдельного человека в какой-то переломный исторический момент. Персонажи данного инварианта вымышлены, преобладает художественная условность и авторская фантазия. В данном случае автор имеет право интерпретации...» [8].

Задача этого романа — показать жизнь человека на фоне разворачивающихся исторических событий и, возможно, предлагается путь разрешения проблемы, заявленной в произведении. Уже упомянутый Е. Водолазкин сформулировал цель написания романа «Лавр» так: «В «Лавре» я показываю путь — по нему можно идти, а можно и не идти» [6].

Поиски «героя нашего времени» отнесены З. Прилепиным («Обитель» 20-е годы XX в.) и Е. Водолазкиным («Лавр» XV в.) в историческое прошлое, В. Галактионовой («Спящие от печали» 90-е годы XX в.) — в неясное будущее.

Вероятно, писатели, рассматривая современность как время без ярко выраженного положительного героя, наделенного никем не оспариваемыми высококонтрастными качествами, не пытаются представить достойного для подражания героя нашего времени. С этим связана отсылка к стародавним или иным историческим временам, отчасти потому, что временные пласты не позволяют проверить, действительно ли в упомянутые эпохи имели место быть описываемые в романах события.

На страницах исторической повести Л. Бородин живописуется непонимание и упрямство человека иной культуры в отстаивании своего мнения, основанного на ложных посылах. Кроме того, в этом произведении проверяется русский человек «на излом». Испытывается на прочность и живучесть национальная составляющая характера. Автор выделяет несколько типов национального характера, обозначенных им впервые в своем программном произведении «Третья правда».

Объемный роман З. Прилепина «Обитель» по мнению В. Бондаренко не что иное, как современная попытка представить совокупность национальных черт: «Писатель делает смелую попытку создать обобщенный образ русского человека. Что такое в наше время быть русским? В чем заключаются особенности русской души?» [10, с. 75].

Автор повести «Царица смуты» использует исторический сюжет для осмысления причин возникновения краха российской государственности (время написания повести — 1996 год — не самое стабильное время для молодой постперестроечной России). Писатель проводит сквозь смуту своих героев, носителей идей повести, и представляет возможный исход переломного времени. Марина и ее сын погибают в застенках. Ее самый верный помощник и опекун — боярин Олуфьев — по стечению счастливых обстоятельств остается живым и остаток жизни проводит вне государственных дел, но, впрочем, и не продол-

жая участвовать в противостоянии с молодым царем Михаилом.

А. Малышева в своей диссертации ««Клинический реализм» Захара Прилепина» делает акцент на существование смыслового поля публицистических и художественных текстов автора, а «... цель использования различных жанров коренится в стремлении детализировать и нюансировать авторскую точку зрения [8, с. 161].

Еще один очень показательный образ — образ Никиты Долгорукого, — типичен для прозы Л. Бородина. Никита Долгорукий олицетворяет собой человека, способного признать свои ошибки, покаяться. В конце повести он — монах, просит прощения: «Все мы виноваты пред тобой, Марья Юрьевна, все, кто бесами попутанные, правили тебе на погибель русского царства и тем тебя в неправде укрепляли» [11, с. 62]. Никита Долгорукий проходит путь от сопричастности несправедливому делу до осознания неправоты своих устремлений, переосмысления своей судьбы.

Становление личности путем искушения соблазнами на фоне исторических потрясений объединяет Никиту Долгорукого из «Царицы смуты» Л. Бородина, Арсения из «Лавра» Е. Водолазкина, Артема из «Обители» З. Прилепина. Но если два первых упомянутых героя преодолевают разрушительные тенденции, то Марина Мнишек у Л. Бородина и Артем З. Прилепина не определили для себя тот вектор развития, те основы, что смогли бы их спасти. Для Марины очень важна мысль о ее законном праве московской царицы на власть и царство. Власть, богатство стали большим искушением для многих самозванцев. Порой, по достижении желаемого, как замечает Л. Бородин, у самозванцев появлялась царская осанка, манеры, желание участвовать в государственном управлении, но на непродолжительное время, так как «в соискании царства любой преуспеть сумеет, коли дерзостью одержим, и все-то у него будет ладно да успешно... до поры. Но надо так думать, что царствовать — это не просто управлять, но править, отцовствовать, а на то особый дар требуем» [11, с. 38].

У Л. Бородина понятие «править» равнозначно «отцовствовать», у З. Прилепина в эссе «Зла не хватает» высказывается мысль, что нужен строгий отец-правитель с твердой рукой: «Безусловно, мы жаждем не жестокости, но Отца, который и накажет, и пожалует» [12].

В условиях реальной угрозы распада современного российского государства особо остро звучит в повести «Царица смуты» мысль государственная. В «Царице смуты» наиболее точно выстроена концепция взаимоотношений государства и личности. В повести автором предложены пути преодоления «смятенности» и «смуты» как в жизни государства, так и в жизни отдельного человека. Государственные люди и народ, отказавшиеся от личных амби-

ций и пристрастий, и православное сознание стало объединяющей основой для обретения консенсуса внутри готового к разрушению Московского государства и народа, его населявшего.

А. Солженицын положительно отозвался о «Царице смуты» Л. Бородина: «Эта повесть – в нынешние годы пустоцветения торопливого поверхностного “постмодернизма” – входит весомым вкладом в русскую историческую романистику» [13, с. 158].

Антропоцентрический аспект любого жанра литературы неоспорим, но «создать обобщенный образ русского человека» во всей его противоречивости — традиция русской литературы, уходящая корнями в прошлое.

Сверхзадачей писателей видятся поиски закономерностей исторического развития, смысла существования, незыблемые нравственные константы, влияние переломных эпох на стабильность национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сенчин Р. Новые реалисты уходят в историю / Р. Сенчин // Читальный зал: Литературная Россия. 2014, № 33–34. — Режим доступа: <http://reading-hall.ru/publication.php?id=11133> (дата обращения: 17.08.2019).
2. Шайтанов И. Хорошо ли сделан современный русский роман? / И. Шайтанов, Е. Шубина, Д. Драгунский, В. Козлов // Вопросы литературы. — 2015. — № 3. — С. 107–133.
3. Прилепин З. Вести себя по-есенински, по-русски / З. Прилепин // Подъем. — 2014. — № 4. — URL: <http://rodym.ruspole.info/node/5418> (дата обращения: 17.08.2019).
4. Биргер Л. Отечественный производитель свято-

сти / Л. Биргер. — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/culture/2013/01/21/a_4934437.shtml (дата обращения 16.08.2019).

5. Басинский П. Светящаяся тьма / П. Басинский // Российская газета. — 26.11.2012. — № 272 (5945). — Режим доступа: <https://rg.ru/2012/11/26/basinskij.html> (дата обращения: 17.08.2019).

6. Петухова Е. Евгений Водолазкин: «Кот Мусин был соавтором большинства моих работ» / Е. Петухова // Собака-СПб.ру. — 2017. — Режим доступа: <http://www.sobaka.ru/city/books/58887> (дата обращения: 17.08.2019).

7. Сегень А. Исторический роман или роман на исторический сюжет? / А. Сегень // Образовательный портал «Слово». — Режим доступа: <https://www.portal-slovo.ru/history/35682.php> (дата обращения 17.08.2019).

8. Жачемукова Б. М. Художественная специфика жанра исторического романа / Б. М. Жачемукова, Ф. Б. Бешукова // КиберЛенинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-spetsifika-zhanra-istoricheskogo-romana> (дата обращения: 17.08.2019).

9. Малышева А. И. «Клинический реализм» Захара Прилепина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / А. И. Малышева. — Воронеж, 2017. — 185 с.

10. Бондаренко В. Власть соловецкая / В. Бондаренко // Север. — 2014. — № 9–10. — С. 72–77.

11. Бородин Л. Царица смуты / Л. Бородин // Москва. — 1996. — № 5. — С. 18–107.

12. Прилепин З. Зла не хватает / Прилепин З. — Режим доступа: <http://zaharprilepin.ru/ru/columnistika/russkaja-zhizn/zla-ne-hvataet.html> (дата обращения: 17.08.2019).

13. Солженицын А. Леонид Бородин — «Царица смуты»: Из «Литературной коллекции» / А. Солженицын // Новый мир. — 2004. — № 6. — С. 149–158.

*Старооскольский филиал Белгородского государственного национального исследовательского университета
Дружинина В. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии
E-mail: drushina@list.ru*

*Belgorod State National Research University (Stary Oskol branch)
Druzhinina V. I., Candidate of Philology, Associate Professor of the Philology Department
E-mail: drushina@list.ru*